

ИСТОРИЯ

УДК 930(091-092)

*Л.П. Веремчук***АЛЕКСИС ДЕ ТОКВИЛЬ О ПАРЛАМЕНТСКОЙ ОППОЗИЦИИ АБСОЛЮТИЗМУ
ВО ФРАНЦИИ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ СТАРОГО ПОРЯДКА**

Дан анализ концепции парламентской оппозиции абсолютизму во Франции последних десятилетий Старого порядка, созданной известным французским историком первой половины XIX в. А. де Токвилем. Содержание этой концепции раскрывает один из аспектов сложной политической борьбы в стране накануне Великой французской революции, помогает увидеть ее предпосылки и глубокое социальное содержание.

Ключевые слова: Алексис де Токвиль; Великая французская революция; парламентская оппозиция.

Одной из центральных проблем научного творчества известного французского историка первой половины XIX в. Алексиса де Токвиля явилась проблема исторических предпосылок и содержания преобразований, осуществленных Великой французской революцией. Исследуя ее, ученый останавливал внимание на истории последних десятилетий Старого порядка, в частности на деятельности парламентской оппозиции абсолютизму, длившейся практически вплоть до начала собственно революции. Эта сторона его идей до сих пор не привлекала специального внимания исследователей, вместе с тем она является значимой для выявления существа его трактовок предреволюционной истории Франции.

Интерес Токвиля к деятельности парламентов во многом основывался на его представлениях о судебной власти как средстве обеспечения политической свободы в обществе, которые он выразил еще в исследовании об американской демократии, когда утверждал, что судебная власть способна действительно противостоять как деспотизму правителей, так и «тирании большинства» [1. С. 205–207, 500–501].

На изучение этой стороны организации политической жизни общества оказалось направлено внимание ученого и в книге «Старый порядок и революция». В ней он утверждал, в частности, что хотя королевской власти той эпохи уже «удалось изъять из ведения общих судов почти все те дела, в которых был замешан какой-либо правительственный интерес», она все еще опасалась правосудия [2. С. 134]. Суды того времени еще сохраняли право принимать жалобы и выражать по их поводу свое мнение; были случаи, когда они прямо называли «правительственные меры деспотическими и произвольными действиями» [2. С. 134–135]. Токвиль утверждал, что во Франции Старого порядка юриспруденция и право оказывали заметное воспитательное воздействие на общество. Многие судебные обычаи (публичность судебного процесса, право обжалования приговора) превращались в национальные привычки, которые побуждали людей к противодействию попыткам абсолютной монархии бесконтрольно осуществлять свою власть [2. С. 135]. В этой связи главное внимание ученого оказалось обращено к верховным судебным палатам французского королевства – парламентам.

Обрисовывая историю этих судебных учреждений, ученый отмечал, что правительство способствовало

усилению позиции парламентов в связи с прекращением созывов Генеральных штатов – этим шагом монархия стремилась создать в глазах общественного мнения иллюзию того, что, несмотря на остановку их деятельности, в политическом строе страны по-прежнему продолжают функционировать представительные структуры [2. С. 124]. Он показал, что рядом с судебными функциями (собственно осуществление королевского правосудия) парламенты обладали правом регистрации и обсуждения королевских законодательных актов, их критики посредством подачи ремонстраций; им принадлежали полномочия финансового контроля, административный контроль над деятельностью городских муниципалитетов и торгово-ремесленных корпораций, обеспечение правопорядка и повиновения властям, цензура [3. С. 80–84]. Право окончательного решения по всем этим вопросам оставалось за королем, тем не менее, названные функции парламентов обеспечивали им реальное политическое влияние, возможность воздействовать на королевскую власть.

По сословной принадлежности магистраты парламентов представляли собой дворянство мантии и обладали соответствующими правами и привилегиями. В этом смысле они являлись органической частью феодальной системы. Как высшие должностные лица главной судебной инстанции королевства парламентские магистраты обладали специфическими неприкосновенными правами и привилегиями в административно-фискальной сфере.

Соответственно этому магистратура имела собственные социальные, сословные и корпоративные интересы, которые решительно защищала и в отстаивании их неоднократно приходила в столкновение с королевской властью. Парижский и провинциальные парламенты за время своего существования несколько раз становились центрами оппозиции абсолютизму, вокруг которых сплачивалось сословие в целом. Отмечая этот факт, Токвиль писал, что «в защите своей собственной независимости и чести они всегда являлись бесстрашными и сообщали свой дух всему приближавшемуся к ним» [2. С. 135].

Самая значительная из этих оппозиций развернула свое противостояние королю в 1756–1770 гг., когда парламенты были поддержаны всем населением страны и превратились в центр общественно-политической

жизни страны. Токвиль не раз упоминал о том, что свой вклад в борьбу с абсолютизмом внесли яркие аристократические личности из числа парламентских магистратов, к которым принадлежали и его предки [3. С. 49–50; 4. С. 11]. Ученый справедливо обращал внимание на то обстоятельство, что столкновения парламентов с королевской властью происходили не столько по поводу их судебных или административных полномочий, сколько по коренным вопросам власти, вопросам законодательства. «Кто пожелает внимательно присмотреться к борьбе парламентов с королевской властью, — писал он в этой связи, — тот увидит, что почти всегда столкновения происходят на почве политики, а не администрации. Споры возникают обыкновенно по поводу новых налогов; то есть противники оспаривают друг у друга не административную, а законодательную власть, которую оба они одинаково не вправе были присваивать себе» [2. С. 75].

Токвиль отдавал должное борьбе парламентской оппозиции против абсолютизма и значимости ее роли рупора того широкого недовольства абсолютизмом, которое вырвалось не поверхность политической жизни страны накануне Великой французской революции. Исследованию этого явления он посвятил некоторые из своих черновых материалов [3. С. 80–111].

Вместе с тем оценка ученым деятельности парламентов и их места в политической жизни предреволюционной Франции была неоднозначной, она содержала и негативную сторону. Усматривая в статусе и функциях парламентов определенные элементы политической свободы, он, однако, не считал их ни свободными, ни, тем более, суверенными органами суда и управления, как, например, это делает в своих суждениях о парламентах А.В. Чудинов [5. С. 79, 92]. Токвиль настойчиво акцентировал тот факт, что вся полнота законодательной, исполнительной и судебной власти была сосредоточена в руках короля, и, в конечном счете, принадлежала ему, а не парламентам (при всей их общественной значимости), не муниципалитетам, ни какому другому административному учреждению страны [2. С. 124, 134, 180, 235].

Законодательной властью оставалась монархия. «Общие регламенты», издававшиеся ею, «общие меры», которые она принимала, приводили в действие и регулировали всю систему управления страной, включая «*crays d'états*» — такие, в частности, как Лангедок, который в данном случае Токвиль приводил в качестве примера [2. С. 235]. Исследователь показал, что королевская власть изъяла из ведения парламентов все функции, связанные с законодательством, центральным управлением, налоговой политикой; смогла «захватить в свои руки всю сущность власти, оставив своим противникам только тень ее» [2. С. 75]. Обладая определенными, порой значительными, судебными и административными функциями, парламенты, однако, не заключали в себе суверенной власти. В этом смысле ученый не находил возможным считать их институтами политической свободы в полном смысле слова — они обладали лишь отдельными ее элементами.

Парламенты Токвиль не считал и органами представительной власти, поскольку все высшие парламентские должности были покупаемыми и наследуемыми, но не выборными, и в этом смысле не являлись

представительными. Право наследования должностей в определенной степени защищало их обладателей от произвола короля [2. С. 133], однако вовсе не гарантировало свободу от него. Несмотря на то, что эти должности в результате произведенной в их отношении купли-продажи становились своеобразным объектом собственности магистратов, они могли быть отняты по воле монарха. Эпоха давала множество примеров такого рода [2. С. 119].

Эти факты приводили Токвиля к выводу, что парламенты являют собой лишь видимость сословного представительства и суверенитета [2. С. 124]. Если они и обладали возможностью воздействовать на королевскую власть, то эта возможность была весьма ограниченной: «Парламенты, которые одни должныствовали играть роль политических корпораций, не могли препятствовать тому злу, которое делало правительство» [2. С. 180].

В своей характеристике роли парламентов в общественно-политической жизни Франции XVIII в. ученый неизменно указывал на то обстоятельство, что парламентские магистраты, «легисты», являлись частью феодальной социально-правовой системы, были генетически связаны со старой Францией, с абсолютизмом. Более того, он констатировал факт, что в свое время парламенты сыграли выдающуюся роль в укреплении абсолютизма, поставив на службу ему все средства традиционной законности. Выражая эту мысль, ученый писал: «Во всех цивилизованных странах рядом с деспотом, который приказывает, почти всегда находится легист, который упорядочивает и координирует произвольные и бессвязные желания первого. К общей и бесконечной любви королей к власти легисты присоединяют вкус метода и науку деталей управления, которой естественным образом обладают. Первые умеют мгновенно принудить людей подчиняться; вторые обладают искусством подчинять их суровой необходимостью почти добровольно. Одни поставляют силу, другие — право. Эти идут к суверенной власти посредством произвола, те — посредством легальности. В точке, где они встречаются, устанавливается деспотизм, который не дает человечеству дышать»; идея владыки без идеи легиста — это лишь часть тирании [3. С. 40].

Токвиль отмечал, что в своем столкновении с короной парламенты преследовали узкокорпоративные цели, «были заняты собою больше, чем интересами общества» [2. С. 135]. Они мешали правительству в его хороших начинаниях, стремились сохранить «средневековый дух» и «обветшавшие феодальные формы» [2. С. 180].

Ученый обращал внимание на то, что идеологи буржуазных преобразований (Вольтер, физиократы) в целом негативно оценивали деятельность и политическую позицию парламентов, не были склонны видеть в них ту политическую форму, которая заключала бы в себе возможности стать институциональной основой политического строя новой Франции [2. С. 181, 185]. Он указывал на то действительное обстоятельство, что даже в высшей точке своего противостояния монархии, когда парламенты оказались единственным легальным органом, вокруг которого реально могли бы сплотиться все антиабсолютистские политические силы, их действия вылились в бесперспективный вариант феодально-

го движения, расходившегося в своих устремлениях с новыми социальными программами. Выражая эту мысль, исследователь писал об оппозиции парижского парламента: «Однако как только абсолютная власть была окончательно сломлена, и нация смогла сама надежно защитить свои права. Парламент вдруг становится тем, чем он был прежде – старым, деформированным и дискредитированным институтом, завещанным средними веками; и он вновь возвращается на то место, которое занимал в общественной ненависти. Для того, чтобы его разрушить, королю достаточно было лишь позволить ему торжествовать» [3. С. 119]. Он отмечал, что в октябре 1788 г. волна громадной популярности парламентов оборвалась, их деятельность подверглась критике современников, а затем и забвению [3. С. 112–117].

Точка зрения Токвиля на место и роль парламентов в общественно-политической жизни предреволюционной Франции нашла подтверждение в современных исследованиях. О парламентах как судебно-административных органах феодальной Франции, противостоявших абсолютизму, пишет А.Д. Люблинская [6. С. 232]. Упорное сопротивление парламентов попыткам Старого порядка осуществить самореформирование акцентирует А.В. Адо [7. С. 61]. И.Б. Берго считает парламенты Старого порядка таким политико-административным институтом, который при всей способности отстаивать перед королем свои сословно-корпоративные интересы, был глубоко интегрирован в государственную машину абсолютистской Франции и подчинен ею [8. С. 45, 53–54]. Л.И. Пименова констатирует мнение современников о том, что парламенты являлись неотъемлемым институтом абсолютной монархии [9. С. 243–244].

Трактовка Токвилем функций и места парламентской оппозиции в политической борьбе последних десятилетий Старого порядка находит и негативные

оценки. Так, лидер французских историков, нацеленных на «реинтерпретацию» Великой французской революции, Ф. Фюре утверждает, что автор «Старого порядка и революции» неоправданно «превозносит независимость французской магистратуры XVIII в.» [10. С. 162, прим.]. В такой оценке идеи Токвиля оказываются искажены. Независимость французских парламентов он отнюдь не «превозносил», как это было показано выше, а вполне трезво ее оценивал, считал ее в значительной степени ограниченной, как и ту роль, которую парламентские магистраты сыграли в антиабсолютистском движении конца эпохи Старого порядка. Главное же искажение состоит в том, что Ф. Фюре не показал всех других сторон содержательного анализа соотношения королевской власти и парламентов, сделанного Токвилем и важного для объяснения социального смысла Великой французской революции, ее политических причин. Вместе с тем лидер «ревизионистского» направления посчитал необходимым обратить внимание на то, что Токвиль якобы вступает в противоречие с самими собой, когда в одном тексте осуждает практику продажи парламентских должностей, а в другом хвалил за то, что эта практика позволила обеспечить относительную независимость парламентам [10. С. 162, прим.].

Опираясь на приведенный выше анализ упомянутых суждений Токвиля, считаем возможным утверждать, что в этом случае имеет место не противоречие, а констатация двух действительных сторон одного и того же явления; главным же образом – признание относительности его позитивного содержания. Токвиль отчетливо акцентировал мысль о том, что сущностной основой французской государственной системы борьба парламентов не меняла. Задачу создания новой формы монархической власти, представительного правления, либеральных свобод, суверенитета нации в противовес суверенитету монарха поставила и пыталась решить собственно революция, начавшаяся в 1789 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Токвиль А. *de* Демократия в Америке. М., 2000.
2. Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1896.
3. *Tocqueville A de. Oeuvres complètes*. P., 1876. Т. 8.
4. *Lefebvre G. Introduction // Tocqueville A de. Oeuvres complètes*. Т. II, vol. I. 1952.
5. Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. М., 2007.
6. Люблинская А.Д. Франция при Ришелье: французский абсолютизм в 1630–1642 гг. Л., 1982.
7. Адо А.В. Буржуазная ревизия истории Французской революции XVIII в. // Социальные движения и борьба идей: проблемы истории и историографии. М., 1982.
8. Берго И.Б. Парламенты и политическая борьба во Франции накануне Великой французской революции // Новая и новейшая история. 1988. № 6.
9. Пименова Л.А. Партии при дворе Людовика XVI глазами современников // Одиссей. М., 2004.
10. Фюре Ф. Постигание Французской революции. СПб., 1998.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 июля 2009 г.